СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДОМАШНИЙ

ОКТЯБРЬ 1926 г. № 41 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Рис. Б. Антоновского

„Смехач“ (подняв крышу): — А интересно заглянуть, что делается под этой крышкой!..

У ПОРОГА ДОМАШНЕГО НОМЕРА

В ту минуту, когда мы уже раскрыли дверь, чтобы войти внутрь домика, за нашими спинами послышались крики:

— Постойте! Обождите! Куда вы?!

Мы обернулись.

Сзади стояли запыхавшиеся мировые темы и, размахивая руками, кричали:

— Смехачи! Милые! А мы как же? Неужто в этом номере о нас ни полслова?

Из груды тем выскочила знакомая фигурка „Муссолини".

— Возьмите меня! Меня! Могу предложить великолепную канву для рисунка или фельетона: „Муссолини—доктор богословия".. Не надо? Тогда имею другое: „Собачка Муссолини тройню родила"... Не подходит к домашнему номеру? Тогда...

— Прошу пана извинить—произнесла тема „Пилсудский", толкая Муссолини локтем в простреленный нос:—Возьмите меня! Даю слово, этот Советско-Литовский договор сидит у меня в горле! Разве не тема?

Пуанкаре и Гинденбург схватили Пилсудского за фалды, стараясь оттянуть. Сбоку подскочила фигура и, почтительно козырнув, кивнула на прочих:

— Иностранцы-с... Самомнение у них огромадное: полагать изволят, что без них—номера не выкинуть! Гордецы-с...

Затем, опасливо оглядевшись по сторонам—нет ли вблизи угрозыска, фигура многозначительно произнесла:

— К-руп-ная свежая растрата... Чудесный рисунок: пустая касса и возле нее я самый-с, именно—кассир-с... Не возьмете? Не требуется? В таком случае, могу предложить нашего зава, пишмашинистку и режим экономии-с... Ходкий товар... Вполне серьезный и крепкий, хотя и подержаный-с..

И тогда мы сказали:

— Послушайте, все вы, наши дорогие еженедельные темы! Потерпите одну недельку, до следующего номера. А сегодня у нас домашние темки. Пусть мелкие, не чета вам, но не забывайте, что из мелочей состоит жизнь и складывается быт. Не забывайте, что даже мелкий камень, попавший в хорошую новую машину, может нарушить ее работу. Сегодня мы говорим о мелочах, засоряющих строительство новой жизни. Сегодня о маленьком доме, который одинаково может быть и лабораторией новой жизни, и прочным вороньим гнездом мещанства. До свидания!

ЖИЛИЩНЫЙ РОМАН

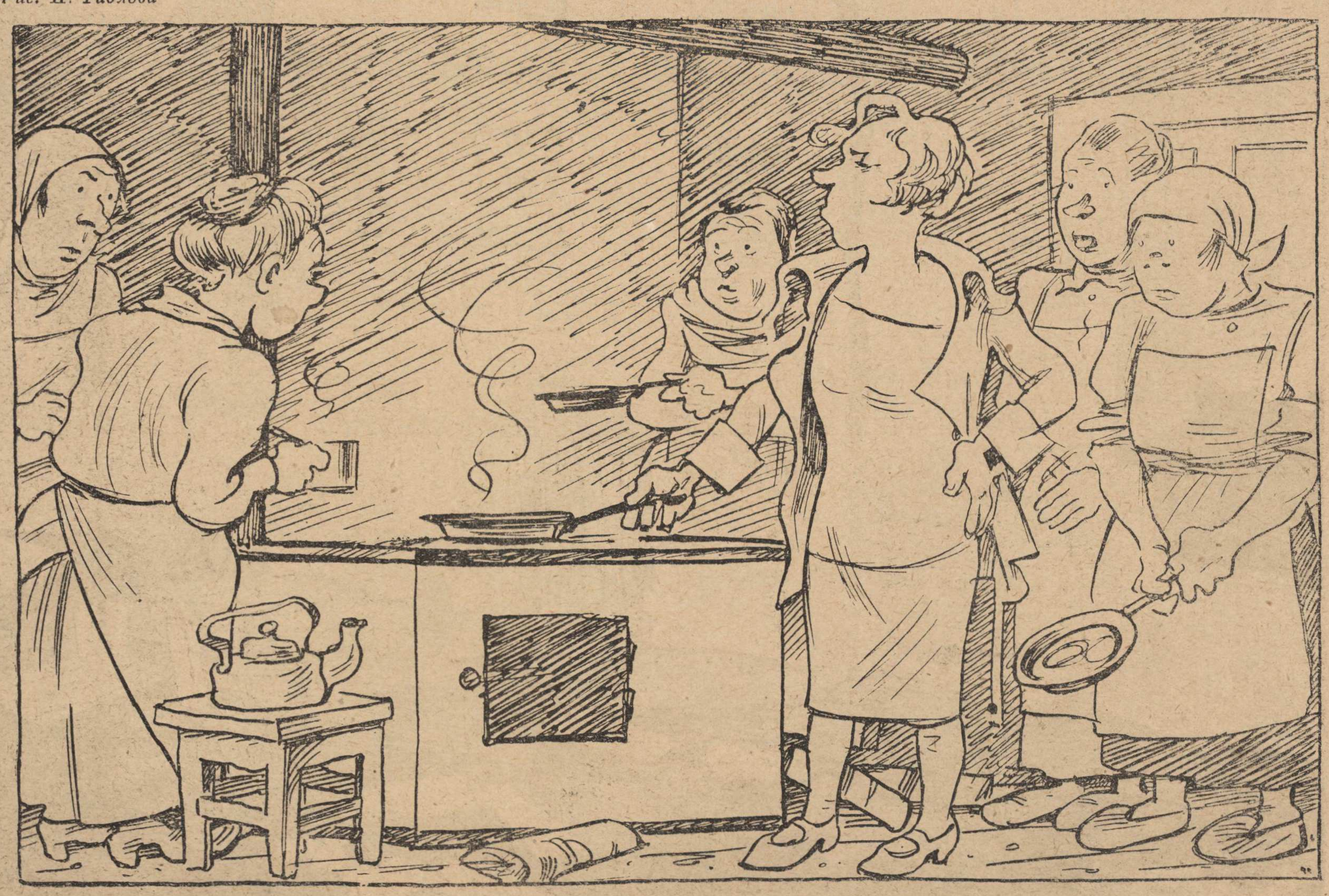
(Человеческий документ)

„В столовой, общей комнате,
Пустой и проходной,
Мы встретились—припомните?—
Овеяны луной.
Толкнувши вас нечаянно,
Я молвил:—„Миль пардон!"—
Но взвыли вы отчаянно:
„Разбойник! Селадон!!"
Стоял я растерявшимся,
Теряя мысли нить,
А вы жильцам сбежавшимся
Спешили объявить,
Что вас—о, унижение!—
Я пылко обнимал,
И делал предложение,
И к сердцу прижимал...
Сомнение посеяно,
Жильцы со мной—как лед...
Но, Марфа Алексеевна,
Вам это не пройдет!
Пущай в нарсуд вы подали,
И я туда же—хлоп!
Не вы-ль татарам продали
Бесхозный гардероб?!
Принявши уверение
В почтении моем,
Страшитесь, тем не менее,
Со мною встреч и днем!
Я родом из Житомира.
Поддаться? Не таков!
Жилец 7-го номера
Аркадий Пустяков."

Скопировал: *В. Князев*

В КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ,
ИЛИ

Рис. Н. Радлова

ЯИЧНИЦА ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА.

МАГНИТ

Тяпкин страдал... Не трудно созвать полную квартиру гостей, а попробуй-ка всех их занять, чтобы все чувствовали себя хорошо.

Главное—дамы. Упаси, боже, прозевать!

Вон, посмотрите, Татьяна Спиридоновна осталась в одиночестве и делает вид, что ей безразлично наличие возле Нины Ивановны целых трех кавалеров.

Ах, боже мой! Знаем мы, как безразлично! Этак и обидеться недолго...

— Кузьма Иваныч, голуба! Что ж вы позволяете Татьяне Спиридоновне скучать! Займите, милый, а я по хозяйству...

Тяпкин подталкивал гостя и красный от забот бежал на кухню, где по хозяйнии страдала его супруга.

— Ужас, матушка!—стонал он, хватаясь за голову. — Поспеши, ради всего святого, со жратвой. Я с ног сбился, налаживая... Сидят—молчат... Ну, и кавалер нынешний! Охамел кавалер!.. О чем и говорить, не знает...

Повертевшись в чадной кухне, Тяпкин всплескивал руками и катился к гостям—«налаживать».

А там уже опять чорт знает что: мужчины сбились в одну кучу, курят и разговаривают вполголоса. А женская часть мрет с тоски. И только возле Нины Ивановны орудует ее постоянный поклонник Кандыбин, собирающийся, по сведениям управдома, сделать ей предложение.

— Граждане,—из кожи лез Тяпкин,—что ж это вы? Илья Ильич! Семен Петрович! Кузьма Иваныч! Смело, товарищи, в ногу! Занимайте дам! Семен Петрович, расскажите-ка нам какой-нибудь анекдотец. Господа, в лице Семен Петровича мы видим, так сказать, счастливую комбинацию талантов...

— Ну, что вы!..

— Позвольте, Семен Петрович,—прошу не перебивать предыдущего оратора—я еще не кончил! Итак,—мы видим двойную комбинацию. Во-первых, он инженер откомхоза, и во-вторых—прекрасный рассказчик. Голубчик, расскажите что-нибудь. Ну, прошу вас...

— Да право же...

— Нет-нет! Никаких отговорок. Кто против? Никого. Принято единогласно. Об этом... как его?.. Ну, вот, что вы давеча рассказывали...

— О спекулянте, который ничего не имеет против кооператива?

— Во-во! Ну, слава богу! Ф фу!.. Теперь, кажется, займутся...

Бормоча последнюю фразу про-себя, Тяпкин полетел на кухню.

— Что же ужин? Где он? До каких пор у тебя тут волокита будет?!

Красная, как плакат, супруга страдальчески указала на миску:

— Белки не взбиваются... Ну, что я сделаю? Займи гостей еще минут на десять...

— На десять, кажется, хватит: Колпакова с анекдотами выпустил. Дай-ка сюда миску—у меня они, стервы, взобьются в момент!

* * *

Между тем, в гостиной явно что-то изменилось. Дамы, сидевшие апатично, вдруг зашевелились, глядя во все глаза на рассказчика.

Едва успел он встать в нужную позу (левая рука на спинке стула, правая за бортом сюртука), как Татьяна Спиридоновна протянула радостным голосом:

— Так вы, в самом деле, из откомхоза? Вот кстати! Не в службу, а в дружбу, разрешите мое сомнение. У меня в квартире пять комнат, из них две проходных... И, представьте, управдом уверяет, что проходные комнаты расцениваются одинаково с...

— А у нас в доме...—перебила Татьяну Спиридоновну Ольга Петровна.

— Постойте, Ольга Петровна... дайте сперва мне договорить.

— Ну, хорошо, милочка. Говорите. А потом я. Я только хочу спросить, чтобы не забыть...

— А вы запишите для памяти. Господа мужчины, у кого есть карандаш и листок бумаги?

Заметно оживившийся Кузьма Иваныч поспешно вытащил карандаш.

— Вот, пожалуйста. А вот и бумага. Кстати, мне тоже кое о чем надо справиться. Позвольте, я запишу в порядке очереди... Я, стало быть, третий.

— Я за вами! —подскочил Илья Ильич.

— И меня впишите!

— И меня!

— Вот так-то лучше. Татьяна Спиридоновна, ваша очередь. Только покороче: излагайте самую сущность вопроса. Семен Петрович, уважаемый, пожалуйте сюда, за столик. Господа! Прошу не забегать! В очередь!

* * *

В том укромном поэтическом уголке, где, сплетая сердца, сидели Нина Ивановна и Кандыбин, тоже не трудно было заметить перемену: именно — в этом сплетеньи сердец.

Нина Ивановна попрежнему щурила глазки и, склоняя головку в сторону Кандыбина, говорила интимным полуголосом:

— Ну, Василий Егорыч? Я жду ответа! Почему же это вам не нравится мое знакомство с Хреновым?

Но Василий Егорыч, что называется, спал с тона.

— Видите ли, Нина Ивановна... Как вам сказать... Дело в том...

— Ну, в чем же? Ну, говорите же!

— Дело в том...

Его голову, словно клещами, поворачивало в сторону откомхоза.

— Да, да, конечно... Простите... Вы что-то сказали, Нина Ивановна?

— Я жду ответа.

— Ах, да... Ответа... Простите... Что он сейчас сказал насчет проходной? Вы не расслышали?

— Кто насчет проходной?

Прищуренные глазки изумленно раскрылись.

— На что вы намекаете? Объяснитесь.

— Ага!—радостно воскликнул Кандыбин:—Я так и знал: если в комнате нет окон, то она не оплачивается!

— Василий Егорыч!!!

— Тссс... Подождите... Я сейчас...

Он вскочил и бросился к группе, тесно окружившей инженера из откомхоза.

* * *

И в эту минуту вошел хозяин, Тяпкин.

— Дорогие гости, пожалуйте закусить, чем бог...—сказал он и застыл от изумления.

— В очередь, Кандыбин! — кричало сразу несколько голосов.

— Куда вы лезете? Вот, ей-богу, народ! Никакого порядка! Азия!

— Да моя же очередь за Ильей Ильичом!

— Врете! Не было вас тут...

— Да я же...

— Врете! Вы все время сидели там, в углу ..

— Господа!! Ужинать!!!—заорал Тяпкин:—Ужинать подано!!!

Задние ряды обернулись и свирепо глядели на него:

— Тссс...

Азиат

ОСАДКИ

Рис. Б. М.

— Ну, вот! А небось в газете ни полслова о дожде!..

УПРАВДОМ!!!

Рис. А. Радакова

„— Я тот, кого никто не любит
И все *живущее* *) клянет!“

(„Демон“ Лермонтова)

*) в доме

КИПЯТОК НА ХВОСТЕ

Трагедия

I

В среду, в восемь с половиной,
Управдомский кот невинный,
Кот, свернувшийся клубком,
Был ошпарен кипятком.
Где???
На лестнице, на черной,
Возле дворницкой уборной...
Сделав дело, скрылся скот.
За скотом сбежал и кот.

II

Слухи глухи лезут в двери:
— Что за люди? Просто—звери!
От загривка до хвоста
Кипятком хватить кота!
Управдомша онемела,
Управдом—белее мела...
Душит гнев... Врагов не счесть...
Чье-бы дело!?
Чья-бы месть?!

III

Слухи... Слухи... Слухи... Слухи...
— Кипяток-то был старухи,
Разгильдеева жены...
Мстит за мужние штаны—
Управдомша сперла брюки...
— Бедный Васька! Что за муки!!
— Лить старухе—не резон, —
Это—дело Либензон!..

IV

— Не иначе, как „с шестого“,
Либензонша из Ростова...
Раз донес он, старый чорт,
На неправильный аборт...
— У Культяпкиных тревога:
Мокровато у порога...
— Не они ли за налог?
— Это—Манька, видит бог!

V

— Управдом нам не забудет...
Что то будет? Что то будет?
— Он, подлец, готовит месть...
От тоски ни встать—ни сесть...
Управдом по дому рыщет,
Ваську ищет, Ваську свищет,
На глазах его—слеза,
На душе его—гроза...

VI

Месть! Твои настали сроки!!
Где вы, фановые стоки?
Прекращен воды извод—
Взят на ключ водопровод!
Уподобясь жутким глыбам,
В миг желудки стали дыбом,
И, без жидкости в зобу,
Проклял дом свою судьбу.

VII

Тут сознался с диким ревом
(В ту же ночь, под отчим кровом,
Брякнув кош у о паркет),
Управдомский Мишка—шкет.

. . . .

Вновь с утра журчали воды,
Либензонша шла на роды,
И семье в любом углу
Пели примусы хвалу.

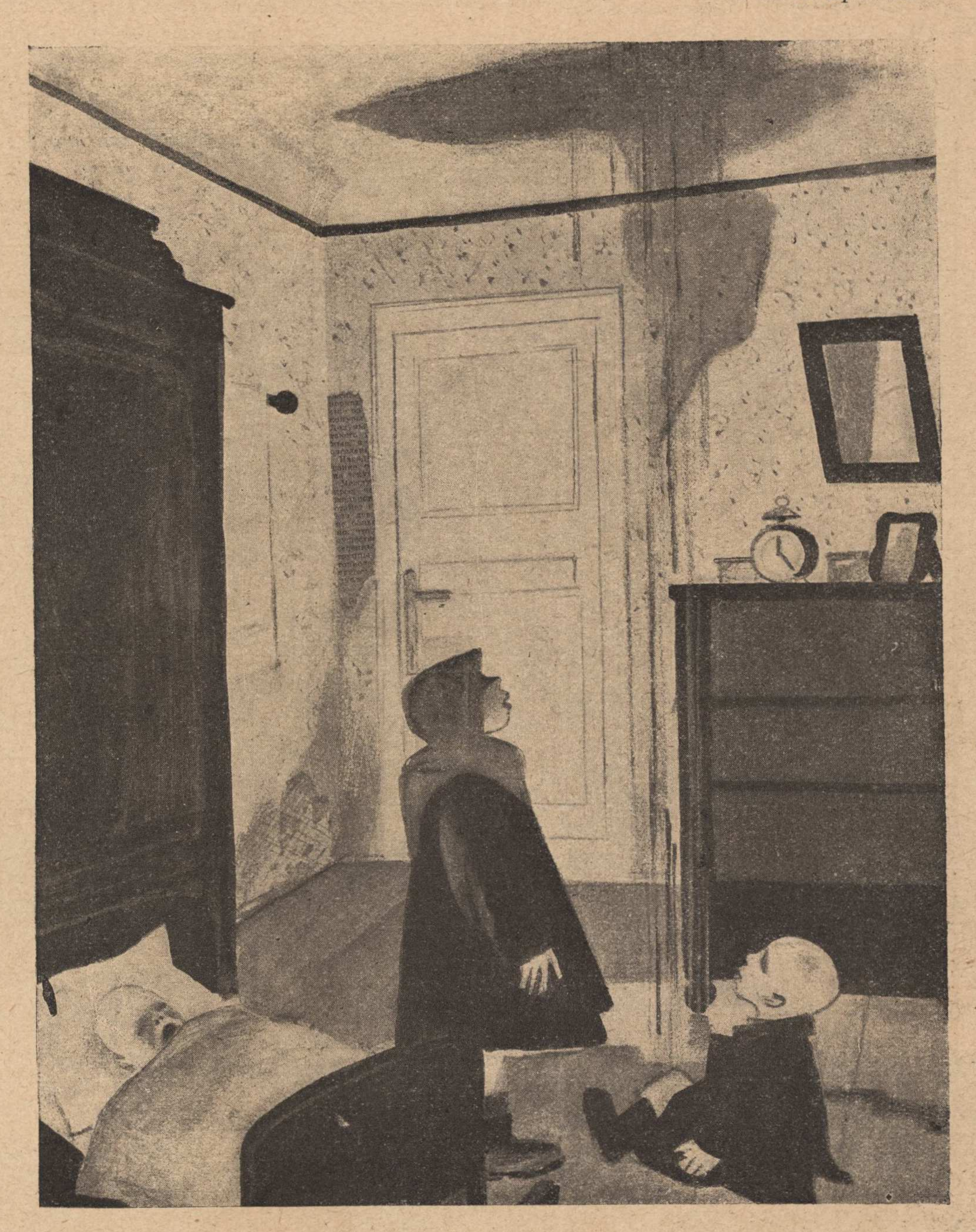
Александр Флит

ПРОХОЖАНЕ

— У вас комната проходная?
— Почти!
— То-есть как?
— Вообще-то она проходная, да квартирохозяйка прохода не дает, все требует деньги за мебель.

ЦВЕТЫ ЖИЗНИ И—

Рис. Л. Бродаты

ИХ ПОЛИВКА.

В РЕЗУЛЬТАТЕ

(Опыт стандартизованного отчета, годного для всякого домового общего собрания).

— В порядке дня—отчет правленья.
— Бандиты! — Воры! — Обормот!.. — Товарищ Хлюст, для возраженья вам будет слово в свой черед!

— За неимением уборной...—Все это личные дела!—Ты каждый день на бирже черной!..—А ты—сам черен, как смола!..—Товарищи!.. — Платя за воду...—Ах, так - растак же вашу мать!..—Вот, дали олухам свободу!..—Конечно, лучше в морду дать?

— На основании декрета, раздел...—Раздели, ефто так!... Ентелегентам стыдно это!—А ты—калоша и дурак!—Товварищи!..—Вчера я вымок; течет, как сито, потолок!..—А для внесенья недоимок назначить самый краткий срок! — Чевво? Платить? Я нэпман, что-ли?—Зажал червонцы под полой!—Ты посмотри мои мозоли!—Долой воров, долой, долой!

— Товварищи!.. — Прочистив трубы и приспособивши подвал...—Вам заговаривают зубы!..—Позор!—Засилие!—Скандал!—Товаррищи! .—Гражданка Шмольчик!—Как двину в зубы!.. — Ай-ай-ай!. Ревет сиреной колокольчик, но страсти хлещут через край.

Рычат, бранятся, свищут, стонут... Но преддомком—свое бунчит,—и в адском шуме цифры тонут и проскользает дефицит.

— Отчет одобрить! — Срам! — Повесить!—Довольно!—Ша!—Голосовать!

...И в результате: за—110, и против—только 45.

Скиталец

ТО, ЧЕГО НЕ УСПЕЛИ СКАЗАТЬ В №№ 38 и 39.

Спешим поделиться с читателями приятной новостью: в 1927-м году „Смехач“ (на месяц 60 коп.) предполагает дать своим годовым подписчикам ценное, богато иллюстрированное приложение:

1) АЛЬБОМ „ГЕРОЕВ“ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ или—2) НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕВЛАМПИЯ НАДЬКИНА или—3) ВЕСЕЛЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СССР.

Одним словом, — или... или. Слово за вами, читатель! Сообщите возможно скорее, какое из трех приложений вам больше по вкусу. Пишите по адресу: Ленинград, Пр. 25 Октября, 88, „Смехач“.

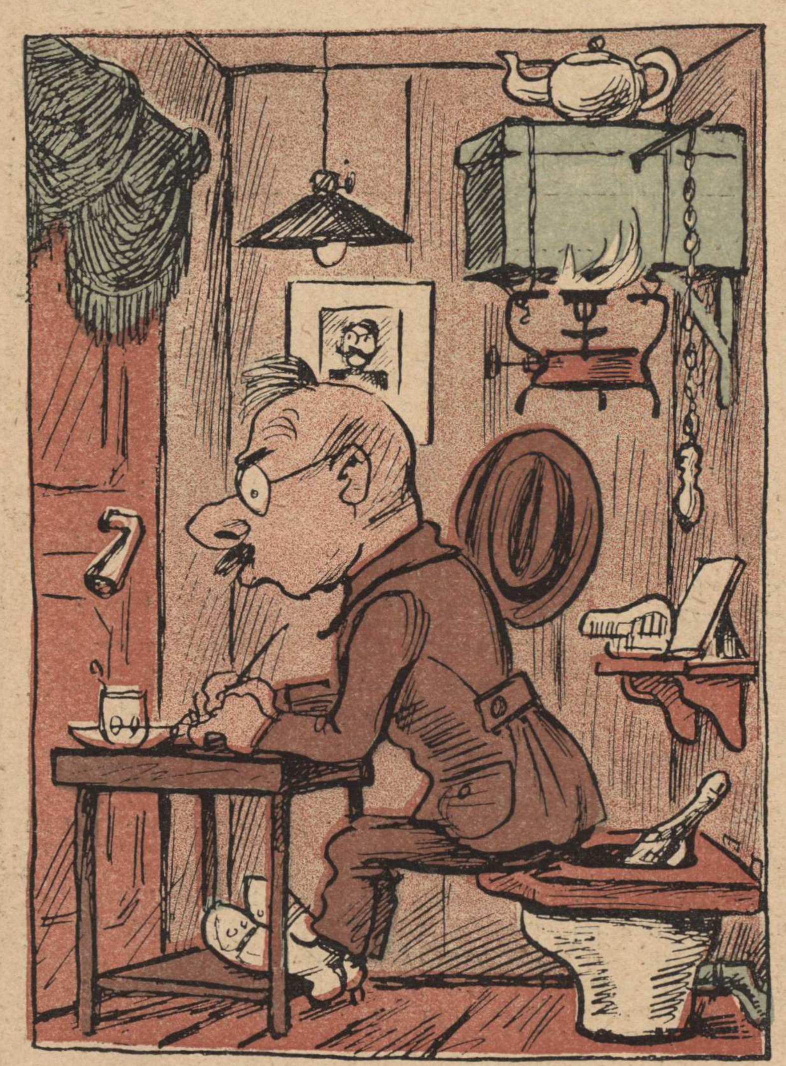
КОМНАТА сд. солидн. одинок. с неб. ремонт, ЖАКТ, д. № 00, по Разруш. Пр.

Рис Н. Радлова

— Ка-ак?! Это и есть свободное помещение?!

— Оно самое. Да вы не пужайтесь, устроитесь как-нибудь...

И, глядишь,—действительно, устроился!

ЗАСТРАХОВАННЫЙ ДОМ

Повреждение домов паразитами принявшо массовый хврактер.

В нашей улице, справа и слева,
Вот уж месяц идет кутерьма.
— Что такое?
— Пречистая дева!
Говорят, захворали дома.

Жили люди, не чая напасти,
Был их сон на постелях глубок,
А теперь (не угодно ли, здрасте!)
Объявился какой-то грибок.

Очумели соседи от страха—
В чреве холод, во взоре тоска:
Вдруг по темени ахнет сразмаха
Эта балка иль эта доска.

— Марья Львовна спасается в кухне,
А жилец, начитавшись газет,
Из боязни, что там-то и рухнет,
Третий вечер не ходит в клозет.

Весь бледней панихидного воску,
Разобрав у себя потолок,
Управдом заболевшую доску
На спине в лазарет поволок.

. . . .

Лишь у нас ни тревоги, ни свалки.
Отвели мы заране беду,
Потому как... и доски и балки—
Все пожгли в 21-ом году.

Альми

ОБИДНО ДОСАДНО...

— Как вы мне считали за октябрь?

— Как лицу свободной профессии.

— Какое же я лицо свободной профессии, когда я весь месяц пробыл на принудительных работах?!

КАК ЗАГОТОВИТЬ СЕБЕ НА ЗИМУ ДРОВА

Как бы ни были поэтично-очаровательны дни бабьего лета, но опытный хозяин никогда не прельстится их обманчивой прелестью и твердо будет помнить о скором наступлении зимних холодов.

Вместе с этим, перед ним встает неотвязная забота: где и как бы запасти на зиму достаточное количество необходимого для жизни топлива?

Покупать дрова дорого, да и где их достать? А потому надо изобрести какой-либо другой способ, который не был бы сопряжен с обременительной тратой денег и досадной потерей дорогого для вас времени.

Вот один из таких наиболее легких и верных способов, как можно вполне бесплатно и без особых хлопот обеспечить себя любым количеством дров.

* * *

Когда ваши соседи по квартире или вообще какие-либо другие члены вашего жилтоварищества начнут делать зимние запасы дров, вы, увидя въезжающий во двор воз с дровами, выходите из своей квартиры и, отперев свой сарай или подвал, становитесь у его широко раскрытой двери.

Затем вы вступаете в беседу со счастливым обладателем приехавшего воза, незаметно стараясь при этом поддразнить и вывести его из терпения.

— Ну и дрова—говорите вы,—не дрова, одна труха! Какая же это береза? Это не береза, а настоящая осина.. По хозяину, видно, и дрова!

Или:—Конечно, если кто в учреждении служит да совести не имеет, так всегда казенных дров сколько угодно может привезти!

И тому подобное, и тому подобное.

Ваш сосед или его прислуга, принимающая дрова, сперва не обращают на вас внимания, но чем остроумнее ваши шутки, тем скорее выводите вы из терпения вашего собеседника.

— Да отвяжись ты, проклятый!!—восклицает, наконец, мишень вашего остроумия,—а нето все ноги поленом переломаю!!!

Но вы не пугаетесь угроз и продолжаете ваши остроумные шутки.

Тогда ваш разъяренный собеседник хватает полено и кидает его, целясь в ваши ноги: а вам только этого и надо!

Грациозно подпрыгнув, вы избегаете удара, а полено, пролетев мимо вас, попадает в открытые двери вашего сарая.

Чем остроумнее и язвительнее ваши шутки, тем упорнее желание перебить ваши ноги у раздраженной жертвы вашего остроумия В кидании поленьев принимают участие не только сам хозяин дома, но и его жена, прислуга, домочадцы и даже приехавший с возом ломовой.

Таким образом, легко получая по хорошей вязанке дров с каждого воза, вы, в конце концов, делаетесь счастливым обладателем богатого запаса топлива, и отныне вам не страшны ни крещенские морозы, ни снежные метели, ни вьюги, ни какие другие ухищрения седой проказницы-зимы.

Нур

НЕИЗЖИТОЕ

(Из практики выживания жильцов)

Рис. Б. Антоновского

Хозяин: — Дзынь! Бум! Тррах! Дырр... Бах! Бах! Тах-тара-рах! Дзень-дзинь-бом-бум!!!

Жилец: — Простите... Вы, кажется, стучали?

КРОВАТЬ

После долгих квартирных мытарств мне, наконец, бешено повезло: я получил чудную комнатку, значительно превышавшую размерами ту, из которой я выехал.

Новая комната была настолько просторна, что я уже мог втиснуть в нее не только портфель и стул, но даже небольшой столик, обычно помещавшийся где-нибудь на кухне или в ванной.

Мало того: теперь я уже мог помышлять о настоящей кровати—место позволяло (особенно, если пожертвовать стулом)

Кровать! Что может быть приятнее?! Статистика показывает, что человек треть жизни (считая 8 часов сна) проводит в кровати, а две трети—в поисках службы.

Пословица говорит: «Как постелешь, так и поспишь» А из практики я сам знаю цену хорошему сну: хороший крепкий сон компенсирует недостаток питательных жировых веществ, столь нужных организму человека, ищущего службу. Словом, иметь кровать так же необходимо, как и обедать не меньше одного раза в неделю.

Я усиленно стал думать о приобретении кровати, посвящая в свои планы друзей и знакомых.

Никто не мог сказать ничего путного. Все эти люди уже давно имели кровати, доставшиеся им по наследству.

Мне советовали обратиться к комиссионерше, Софье Антоновне. Был и еще один совет, но он мало понравился: навестить семью, объявившую «с прискорбием о преждевременной кончине дорогого дедушки, отца, брата, дяди, шурина и внука Александра Моисеевича Пломба».

— Сходите. Здесь вы, наверняка, найдете свободную кровать,—сказали мне.

— Как? Из под покойника? Увольте!

— А что же? Бросьте предрассудки.

Может быть, это было не так глупо, но я не решился и предпочел комиссионершу, Софью Антоновну,—милую старушку, набитую всевозможными адресами, как чучело соломой.

— Вам кроватку?—сказала она, извлекая из карманов записочки:—Могу предложить, какую хотите, вплоть до роялей и пианин.

— Мне бы недорогую с пружинным матрасом.

— Есть и недорогие. Вот... Улица Лассаля, 9, квартира 3. Войти во двор, лестница направо, второй этаж. Скажите, что от Софьи Антоновны. А если не понравится, тогда проспект Восстания, 17, квартира 11.. Затем на Крапоткиной две кроватки, на Рошале одна.. Только непременно скажите, что от Софьи Антоновны. Иначе не пустят. Теперь, знаете, такие времена—народ пугливый..

Не откладывая ни минуты, я отправился по указанным ею адресам.

— Двести...—поджимая сухие губы, заявила хозяйка кровати на улице Лассаля.

— Чего двести?

Она пояснила:

— Рублей.

— Вот за эту... штуку?!

Я внимательно оглядел стоявшее у стенки дряхлое металлическое существо, с кривыми ножками. Лет пятьдесят тому назад оно было, несомненно, молодой, полной крепких пружин кроваткой... А теперь? Боже, как отвратительна старость!..

Воображаю, как жалостно должна скрипеть эта старушка по ночам!

— Гм! Дороговато..—сказал я:—Дешевле не уступите?

— Нет,—сказала хозяйка:—Я не запрашиваю. Вы смотрите, какая это кровать—варшавской работы. Теперь таких не найдете.

— Однако же, она значительно подержана.. Вот эти пружины...

— Эти пружины,—наставительно перебила хозяйка,—в десять раз крепче нынешних. А если торчат горбом, неудивительно: эту кровать моя бабушка купила в 1876-м году.

— Однако, давненько!.. Я сразу догадался по внешности..

— То-то и дело, молодой человек. В прежнее время люди умели покупать! На этой кровати умер мой дедушка, потом на ней же умерла бабушка, потом мой муж... И я уверена, что и вы, если купите, умрете на ней...

— Вы думаете?

— Будьте покойны: может быть, даже ваши внуки успеют умереть на этой кровати. Старая, но крепкая.

Я сделал самое любезное в мире лицо и откланялся.

— Нет, сударыня — ваша кроватка не для меня. Умирайте на ней сами...

Долго и утомительно рассказывать о всех замечательных кроватях, которые мне довелось видеть в тот день, блуждая по адресам, врученным комиссионершей.

Если кое-где мне и не перечисляли всех заслуг демонстрируемой кровати, то по глазам ее хозяев я угадывал, что она «дорога им, как память». А назначаемая цена подтверждала мои догадки.

Я до того привык к этой истории, что, входя в квартиру, прямо начинал с главного:

— Знаю!—говорил я:—на вашей кроватке умерло три-четыре дедушки и столько же бабушек. Тем не менее, могу вам дать за нее ровно пятьдесят рублей.

Возможно, что меня принимали за сумасшедшего, ибо я говорил то самое, что должен был бы выслушать от них. Мне спешили открыть дверь. Я уходил

Насколько утомительны подобные поиски, можно судить по тому вопросу, которым я ошарашил милиционера:

— Гражданин, где тут Свечной переулок, бывший Парижской Коммуны?

Тогда я сказал себе:

— Переулок Парижской Коммуны—и ни шагу дальше! Чорт с ними с кроватями! С ума сойти можно!.

Изнемогая, я залез на шестой этаж в упомянутом переулке.

— Бабушку!—прохрипел я, давая понять без лишних слов, что мне все известно: — Бабушку за пятьдесят и ни копейки больше!..

Только впоследствии я понял свой промах: кровать, вероятно, не имела блестящей родословной. Ее хозяин, вероятно, полагал взять за нее рублей тридцать. Услыхав мою цену, он не стал торговаться. Он взял пятьдесят, я—кровать.

— Осторожней!—предупредил он, когда я ухватился за спинку кровати:—она не любит, когда ее так берут... Легче, легче!..

На лестнице он меня догнал:

— Гражданин! Ножку забыли.

* * *

Расставить кровать, вытащить из комнаты оказавшийся лишним предметом стул—было делом нескольких минут.

Я ликовал. Наконец-то! Наконец-то поспим по-человечески!

Раздевшись, я сел на краешек кровати. Она моментально пригнулась к полу. В чем дело? Ах, вот что: ножка! Я забыл вытащить ее из кармана пальто.

— Извините, сударыня!—любезно говорил я, усевшись перед кроватью на полу:—мы вам сейчас подвяжем вашу ножку. Так-с! Вот видите? Все в порядке.

Подвязанная нога получилась короче остальных. Я подложил под нее «Демьяна Бедного». Оказалось мало. Заменил «Пушкиным»—много. Тогда пришлось к «Демьяну Бедному» прибавить «Путеводитель по Крыму»—вышло изумительно хорошо.

Я лег. О! что за восторг!.. Какое блаженство разливается по..

Среди кровати что-то хрустнуло, и я почувствовал, что стремительно падаю. Гулкий удар об пол завершил падение, после чего кровать, если посмотреть сбоку, стала похожа на мост, взорванный бандитами посредине. Я слез и посмотрел сбоку.

— Сударыня! Это низко с вашей стороны!—сказал я, не теряя добродушного настроения:—Похоже на то, что на вашей спине успело умереть два десятка дедушек! Поднимайтесь, сударыня, на ножки! Позвольте, я вам помогу. Ну же, держитесь, сударыня!

Читатель видит, что мне нельзя было отказать в недостатке любезности и предупредительности.

Тем не менее, не успел я снова улечься на кровать, как она скрипнула и вдруг как-то разом поползла вбок и вниз.

— Куда вы, чорт вас дери!—закричал я, теряя равновесие.

Я снова очутился на полу, о чем возвестил новый гулкий удар.

За перегородкой справа голос соседа произнес:

— Идьёт! Что он там ворочается, как камень?!

Слева постучали:

— Товарищ! После часу шуметь нельзя, а тем более рубить дрова в комнате! Управдому пожалуюсь!

Сдерживая закипавшую обиду, я ответил:

— Какие тут дрова! Я просто упал с кровати.

— Падать тоже не разрешается после часу!—ответили слева.

— А все вы, сударыня!—укоризненно обратился я к кровати:—Не можете двух минут постоять спокойно! Ну, что мне с вами делать?!

Я поставил ее на ноги. Она качнулась и снова упала, как загнанная лошадь, грузно ударившись животом.

Угрожающие стуки послышались на этот раз и с боков и снизу, и из под пола. Очевидно, нижний жилец стучал в потолок половой щеткой. Я представил себе его стоящим в одних кальсонах и с ненавистью поглядывающим наверх. Картина!

Вслед за тем, в мою комнату вошло несколько оригинально одетых фигур: хозяйка в простыне и жильцы в одеялах.

— Что вы тут делаете?

— Ничего не делаю. Спать ложусь.

— Зачем же вы стучите, как зарезанный?

— Не я стучу, а кровать. Видите? Не держится.

— Так зачем вы держите такую кровать? Человек так громко ложится спать, будто его грабят! Хорошенькая, нечего сказать, кровать! На такой кровати далеко не уедешь!

— Да?—рассвирепел я, поддерживая брюки:—А знаете ли вы, что на этой кровати жило и умерло пятьдесят дедушек и бабушек! Знаете ли вы, что я заплатил за нее пятьдесят рублей,—стало быть, по рублю за каждого дедушку, чтоб их чорт драл!

И тут я услышал нечто совершенно неожиданное:

— Почему же вы не купили в госмагазине за эти деньги новую кровать?

Почему, в самом деле? Позвольте, а разве можно купить новую кровать? Тогда почему же, дорогие граждане, вы бегаете, высунув языки, по разным рынкам, в поисках «дешевле, чем в магазине»? Почему вы убеждены, что все можно достать только «по случаю»?

Я охладел к своей кровати. Не рискуя продолжать дальнейшие эксперименты, я улегся рядом, на полу.

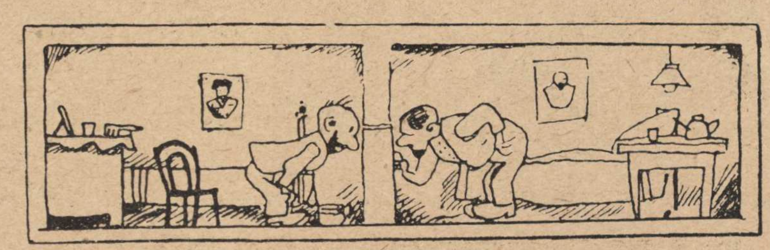
И, когда мирно засыпал, послышались шаги, и голос моей хозяйки произнес ласковым шопотом над самым ухом:

— Что вы все стучите! Идите, я вам дам кровать.

Из любезности я не счел возможным противоречить. Кстати сказать, кровать оказалась двухспальной, а хозяйка выглядела значительно моложе любого дедушки или бабушки, значившихся в ее родословной.

Ив. Прутков

Рис. Б. А.

ДОМАШНИЕ МЫСЛИ

1. Самое древнее сооружение — это уборная в коммунальной квартире, ибо поистине много воды утекло с ее основания.

2. Если в рабстоловой тебе подали суп, в котором находятся гвозди, стекло и прочий материал, идущий на постройку домов, не говори, что ты ешь домашние обеды.

3. Трудно выжить сто лет, но жильца выжить еще труднее.

4 Когда пять хозяек встречаются в общей кухне, вместо всех возможных блюд заваривается только каша.

5. Маляр, который красит дом, никогда ни от чего не смущается и не меняется в лице. Но жильцам вышеуказанного дома краска часто бросается в лицо.

6. Квартплата напоминает обувь: чем она новее, тем больше она жмет. Впрочем, обувь ты можешь всегда снять сам, а квартплата снимается только домоуправлением.

М. К—ий

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Рис. В. Лебедева

СЕМЬЯ БЕЗРАБОТНОГО ИЗ КВАРТИРЫ 7.

КОМИССИЯ

Рис. Л. Бродаты

В городах ряд домов поврежден паразитом, — т. наз. домовым грибком.

ПО ГРИБЫ.

СУДЬБА

Управдом Чекушин скинул высокие сапоги и, с удовольствием ступая по холодному каменному полу, подошел к столу, придвинул большое кожаное кресло, попавшее к нему после разверстки кабинета бывшего домовладельца, и собрался пить чай, как прибежали из 4-го номера.

— Скорей, скорей—убийство будет!

Чекушин подхватил на-ходу сапоги, надел левый на площадке у своей двери, правый — на площадке третьего этажа и обутый ввалился в четвертый этаж к Варваринским.

— Где?! Кто?!—запыхавшись, спросил он мальчика, сопровождавшего его и сообщившего о готовящейся постановке убийства.

— Да вон!

Управдом заглянул на кровать. Две женщины, вцепившись друг дружке в волоса, катались с севера на юг и с юга на север по кровати. Чекушин подошел, взял обеих за шиворот и, поставив на ноги, сильным движением одной руки на север, другой на юг — оторвал дравшихся женщин одну от другой.

— В чем дело?!

— А вот управдом все разберет!—крикнула рыжая.

— Управдом тут не при чем: я, как хозяйка,—управквартира, и не позволю комнатной жилице пять раз в день ставить самовар!—кричала брюнетка.

— Позвольте, гражданки!.. Ольга Петровна!.. Марья Николаевна!.. Дайте же мне сказать слово... Почему, собственно вы ставите пять раз, а вы протестуете?

— Хочу и ставлю!.. Захочу и буду десять раз на день пить чай: самовар мой, за воду плачу, уголья мои, спички мои...

— А я не желаю, чтобы ваш самовар трещал каждую минуту у меня под ухом.

— Когда ваш примус трещит—я молчу?!

— Я—хозяйка, вы—комнатная жилица!

— Все равно: такого декрета нет...

Управдом вспомнил об оставленном чае, улучил в споре женщин паузу и сказал:

— Домоуправление не вмешивается во внутренние дела квартирантов. Деритесь, а в случае чего я вызову либо карету скорой помощи, либо милицию, смотря по обстоятельствам.

И ушел.

На первой четверти первого стакана Чекушина снова оторвали от чая.

— Труба лопнула... Так и льет... так и льет!

— Лопнуло, значит, льет... Вот, если б не лопнувши лило чудо бы... В подвале?

— В ванной, с потолка льет.

— С потолка-а .. Ах, черти!.. Опять, верно, над вами белье в ванне мочат, кран раскрыли, а закрыть забыли.

Так и было.

— Что ж, ремонтик на ваш счет: штукатурку перетирать, если, вообще, не отвалится, да побелка.

— Да я на секунду только отошла!—оправдывалась хозяйка квартиры.

— Если б в секунду столько бы налило на пол, то за время, что кран был открыт—нас бы залило по самую крышу.

Вернулся. Сел за стол, вылил в полоскательницу простывший чай, налил новый стакан.

— Михаил Петрович, из трубы выкинуло!

Управдом не только с сердцем, а и с печенкой, стукнул стаканом о блюдце:

— То вода, то огонь... вместе бы да в одном месте—так чаю бы напился!

Он побежал сначала по квартирам, расположенным по одной линии виновной трубы, потом на чердак. Пока он бегал, сажа в трубе благополучно выгорела.

Снова вылил он недопитый стакан, налил горячего и сказал:

— Кажись, сейчас допью!

Но не допил:

— Вызывайте, Михаил Петрович, скорую.

— Ага, разодрались таки в кровь!

— Не, никто не разодрался, в 5-м номере преждевременные роды.

— Михаил Петрович, ско... ско... ско...

— Скорую помощь? Сейчас.

— Скорей милицию!.. В 10-м налет!!

— Вызывайте раньше карету!

— Нет, раньше милицию!

— Да она может умереть!

— А там могут убить!

— Здесь две жизни в опасности, забыли о ребенке.

— А там трое живут!..

— Да не держите же меня, граждане!.. Я же так никуда не могу бежать!..

— Не пущу! Ребенок еще и не родился, наплевать на него!

— А те уже пожили, хватит с них, а ребенок еще не вкусил радостей жизни!

Чекушин попробовал стряхнуть жильцов, уцепившихся в его руки, но это ему не удалось.

— Вот что, граждане. По-моему, карета скорой помощи нужна не только роженице, а и 10-му номеру. Может, налетчики уже ранили? Поэтому, предлагаю сначала звонить в „скорую помощь", а потом в милицию. Они в одно время и прибудут.

Пока Чекушин звонил — в 5-м благополучно появился на свет новый жилец дома, а в 10-м налетчики, заперев хозяев в уборную, забрали все, что смогли, и благополучно ушли.

Карета уехала. Часть милиционеров пустилась в погоню, часть составляла протокол. Чекушин подписал протокол и пошел подогревать простывший самовар.

— Если человеку не суждено во-время чаю попить, то скопятся в один час все земные напасти, и чаю ему не выпить. „Судьба играет человеком!" — философски сказал он и, сняв сапог, стал им раздувать самовар.

Исидор Гуревич

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТОПЛЕНИЕ

— У вас действует центральное отопление?

— Да-с! Вчера в центре города меня один тип поленом огрел!

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

БЛУДЛИВЫЙ ДИРЕКТОР.

На маслозаводе № 2, в Томске, директор 3. приставал к машинистке. Последняя отклоняла настойчивые ухаживания зарвавшегося кобеля.

> Однажды ей принесли бумагу, в которой значилось: «Уволить лиц, не состоящих в профсоюзе» В том числе и ее. Машинистка— к директору. Директор смеется:
>
> — «Я на нервах играю!» «Все—шутка».
>
> Ухаживания продолжались. Машинистка—ни с места. Директор записочку: «Как временно принятая, через 2 недели будете уволены». Девушка—в слезы.
>
> Пришла в кабинет—так мол и так. На брак согласна!
>
> Оставил директор машинистку на службе.
>
> Ухаживает. Машинистка—ни с места.
>
> — Когда же в ЗАГС?—вопрошает директор.
>
> — Когда рак свистнет,—истерически крикнула жертва и... через день была уволена.
>
> („Кр. Зн.")

Оно, конечно, дела это—семейные, домашние, можно сказать, дела, а только у нас на службе стало определенно—гнилью попахивать.

Откройте форточку!

ПРОГРЕССИРУЕМ!

Вы читали?

Во Владимире

> Комхозу и губернскому отделу народного образования горсовет поручил проработать вопрос *о расширении ресторана «Прогресс» на счет помещения II-й школы II-й ступени.*
>
> („П.")

Ужели же, граждане, за чечевичную похлебку продадим достижения на школьном фронте?

Не ресторан должен питаться за счет школы, а школа должна питаться за счет ресторана.

В этом—залог прогресса!

ПРЕКРАТИТЕ БЕЗОБРАЗИЕ!

Пишут, что в одном из сибирских городов, на улице Равенства, д. № 2,

> в верхнем этаже живет некто Грачев. Дурная привычка есть у этого Грачева—выливать помои из окна своей квартиры, прямо на головы прохожих.

Сколько таких безвестных Грачевых ежедневно по лицу СССР льют помои на головы прохожих?!

Сколько таких безвестных прохожих, в свою очередь, ежедневно льют помои на головы таких Грачевых?!

Но не для этого, граждане жильцы, мы создавали улицу Равенства, чтобы обыватели выливали помои на голову друг другу!

ТАЙНА УГЛОВОЙ КОМНАТЫ

Рис. Б. Малаховского

А это—жилец угловой комнаты, собирающийся покончить самоубийством за счет жилтоварищества: он ждет, он упорно, часами ждет, пока на его голову обрушится потолок...

Издатель „ГУДОК". Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 23159. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. «Изд-ва Лен. Правда» Ленинград, Социалистическая, 14. Зак. № 4739. Тираж 80.000

Рис. Н. Радлова

... И когда наступает темная, малофонарная ночь, засыпают обитатели дома. Лишь кое-где еще теплится жизнь: сымают чужое белье на чердаке, одинокий громила трудится над замком какой нибудь квартирки. Обыватели спят... И снится им страшный неизбывный хулиган...
Ах, чорт! Глядите—оказывается, и дворник уснул, и милиционер уснул!.. Кар-раул!..